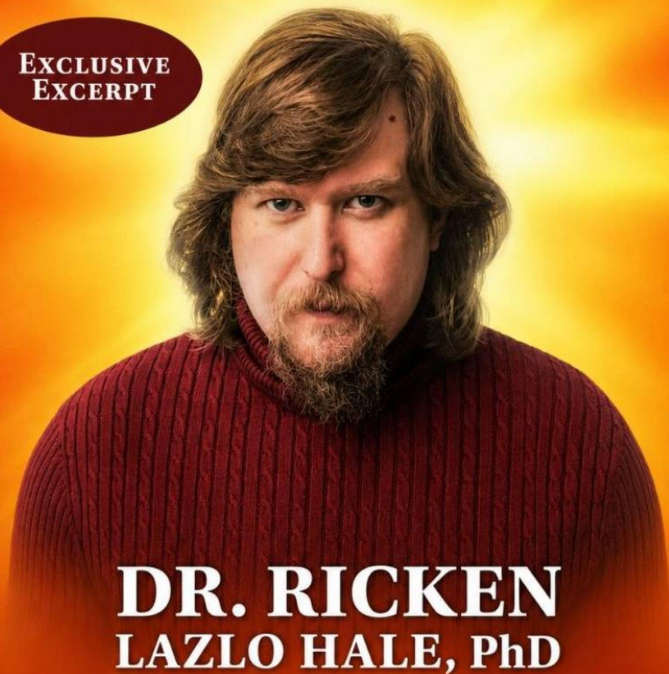

THE YOU YOU ARE

A SPIRITUAL BIOGRAPHY *of* YOU

EXCLUSIVE
EXCERPT

DR. RICKEN
LAZLO HALE, PhD

Dr. Hale PhD PhD The You You Are

<https://litres.ru/74280512>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кто ты на самом деле? Трус, Воин, Петух, Писец или Весталка? Д-р Рикен Лазло Хейл, PhD — целитель, лучник, общественный овод и сын прославленных перформанс-художников HumpDumpster — уверен, что знает ответ. В восьми главах этого «духовного путеводителя» он раскроет твоё истинное Ты: через тайну имени, пчелиные улы, природу страсти, акrostихи судьбы, благотворительность и незажившие раны. Каждая глава завершается ритуалом: ты прикрепляешь тотем к трюмо и становишься на шаг ближе к себе настоящему.

Официальная книга-сувенир по сериалу Apple TV+ «Разделение».

Содержание

Примечание редактора	4
СЛОВО ОТ АВТОРА, Рикена Хейла	5
ВВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА ПЕРВАЯ	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Dr. Ricken lazlo Hale, PhD

The You You Are

Примечание редактора

«Тот ты, который ты есть» (в оригинале «The You You Are») — настоящая книга-сувенир, выпущенная по сериалу Apple TV+ «Разделение» (Severance). Её автор, д-р Рикен Лазло Хейл, — персонаж сериала: напыщенный, самодовольный, на диво невежественный интеллектual. Весь текст — пародия: Хейл ошибается почти во всём (история, наука, этимология, кино, биографии). Все эти «ляпы» намеренны и переведены дословно — в них и состоит юмор. Примечания отмечают лишь те места, где английская игра слов (акростихи, каламбуры) не выживает при переводе.

О заголовке. Английское «The You You Are» построено на повторе местоимения you и буквально означает «тот ты, который ты есть». В переводе заглавное «Ты» всюду сохранено как понятие — высшая, истинная сущность читателя.

СЛОВО ОТ АВТОРА, Рикена Хейла

Дражайший читатель,

Я смиренно и сладостно благодарю тебя за пылкий интерес к моей грядущей книге «Тот ты, который ты есть». Как тебе известно, книга должна была поступить в широкую продажу на этой неделе, и я всей душой рвался разделить с тобой её великолепие.

Увы, обстоятельства, неподвластные мне, повлекли за собой краткую отсрочку: я веду переговоры с несколькими корпоративными сторонами о том, где именно и в каком виде книгу следует выпускать. По совету юристов я, к прискорбию, пока не могу сказать более.

Не сомневаюсь, что это вызовет всеобщее уныние и гнев, но прошу тебя: оставайся мирным, пока всё уладится.

Тем временем я добился разрешения выпустить первые восемь глав — как в цифровом виде, так и в формате авторского чтения, — в надежде хоть отчасти утолить жажду моих искушённых в Сети читателей. Прошу понять: эти страницы — лишь первые шаги на пути, а полное самопознание недостижимо, покуда ты не прочтёшь книгу целиком.

Благослови тебя небо за терпение — и насладись же первым октетом глав «Того тебя, который ты есть».

Д-р Рикен Лазло Хейл, PhD

ВВЕДЕНИЕ

Я говорил как-то, что в детстве Вольфганг Моцарт убил другого мальчика, разmozжив ему голову крышкой рояля.

Не пугайся. Исследования, проведённые мною для этой книги, доказали, что это неправда. И всё же, покуда пульс твой приходит в норму, поразмысли-ка о власти, какую автор — назовём его «Я» — обретает над читателем, коего впредь будем именовать «Ты». Но что же, в сущности, есть это «Ты»? Как может «Ты» означать нечто разное для миллионов читателей на необъятной земле? И, быть может, важнее всего — кто ты таков?

Спрашиваю я не из одной лишь учтивости. Ибо ты, друг мой, не просто потребитель этой книги, втягивающий сущестительные и наречия, как пухлый младенец — материнскую грудь. Напротив, связь твоя с этим трудом куда сокровеннее и глубже. Ты — его предмет.

Нежный снежок перхоти, коим, чую я, припорошились страницы, подсказывает мне, что ты чешешь затылок.

«Да ну, брось!» — фыркаешь ты вслух. — «Я?! Я — предмет новой книги д-ра Рикена? Ну да, конечно! Разве что во сне!»

Ты встаёшь и подходишь к трюмо, вглядываясь в своё скромное отражение. Неужели и впрямь? Неужели ТЫ — средоточие литературного труда, читаемого миллионами на

необъятной земле? Достаточно ли ты интересен? Достаточно ли крут? Остроумен? Сексуален? Богат? Изящен? Достаточно ли ты... ну, в общем... достаточен?

Ответствую: да.

Но вот расхваливаю я тебя, а мы с тобой ещё толком не познакомились! Я, как ты, верно, знаешь, — д-р Рикен Лазло Хейл, PhD. Я автор (хотя определение это куцо), целитель, лучник, писатель, общественный овод, исправившийся кочевник, муж и, на миг настоящего, до смерти перепуганный скоро-отец! Я младший сын прославленных перформанс-художников Боба и Грейс Хейл, известных сообща под именем HumpDumpster, от чьей интеллектуальной тени я десятилетиями пытаюсь себя отличить. Я друг птицам, земле, искусствам, старцам, неимущим и огорчённым.

Ты же — особа посложнее. В конце концов, ты один из потенциально миллиардов людей, купивших этот фолиант, который, возможно, читает эту самую строчку в этот самый миг! Кто же из бесчисленных читателей есть Ты? Ответ — его можно сыскать, лишь заглянув в прошлое, подобно кроткому и оклеветанному тираннозавру.

На миг припомни, как ты впервые взял эту книгу: что ты почувствовал, когда жадные глаза твои пали на страницу — и тут же были сражены чудовищным, парадигмокрушительным (и, повторю, лживым) фактом о любимом песеннике Вольфганге Моцарте?

Статистически, твоя реакция почти наверняка подпадает

под одну из пяти категорий, и понять, под какую именно, — в высшей степени поучительно для определения твоего Ты.

Во-первых, быть может, ты просто перестал читать. Устрашённый жалом откровения, ты зашвырнул книгу в мусорную корзину и выбежал наружу, чтобы, словно утка, зарыть голову в песок. Так поступает Трус. Если ты в этой категории, поздравляю: ты больше не читаешь эту книгу, и мои идеи не причинят тебе вреда. Если же ты горничная или дворецкий, выудившие книгу из мусора нанимателя, знай: ты служишь малодушному обморочнику, которому не должен более хранить верность. Поверь мне, собрат-слуга: лучше тебе быть нищим.

Иные из вас, быть может, встретили весть яростью. «Да будь проклят Моцарт!» — ревёшь ты. — «Я куплю рояль ещё больше и оплачу ему той же монетой!» В гневе своём ты не заметил, что Моцарт мёртв уж сотни лет. Ты — Воин. Порывистый и взрывной, пришёл ты к этой книге искать отдохновения от собственного огня.

Напротив того: быть может, инстинкт твой повелел защитить юного маэстро. «Чувствительный был ребёнок, — воркуешь ты. — И спорим, другой мальчишка дразнил его за имя!» Эти суждения выдают в тебе Голубя. Мирный до беспечности, ты ставишь согласие выше справедливости и ревниво избегаешь бурь. (Разумеется, ты, скорее всего, не буквальный голубь, хотя исследования и впрямь намекают, что птицы читают и понимают до пятисот слов.)

В-четвёртых: если ты проворно принялся излагать свои чувства по сему поводу на бумаге, то, возможно, ты — Писец. Редчайшая порода людей, ты не можешь не вплетать свои мысли в великолепную прозу, за что общество осыпает тебя хвалой. Ты, верно, уже удостоен нескольких престижных наград, а сверстники твои, должно быть, считают тебя харизматичным и блистательным.

Наконец, возможно, ты и слыхом не слыхивал о Моцарте. Быть может, всё это введение ты провёл в мучительном страхе: как же мимо тебя прошло столь значимое явление культуры? На это скажу так: с тобой всё в порядке. Ты не глуп, не неотёсан, не простоват. Ты вошёл в эту книгу невинным, полным прекрасного потенциала. Ты — Весталка, и в твоём незнании есть место мудрости. Ты, по правде, тот самый Ты, кого я с наибольшею нежностью зову в этот путь.

Здесь я настоятельно советую тебе записать свой «Ты-тип» на клочке бумаги и приколоть его к трюмо: это пригодится по ходу книги. Трус ли ты, Воин, Голубь, Писец или Весталка — равно нежно я принимаю тебя на сей путь. Мы сделали лишь самый-самый первый шаг к открытию того неповторимого и прекрасного Ты, который ты есть.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Имя, имя, уходи прочь

Примемся за слона в комнате: за моё имя.

Какими бы вопросами ты ни мучился, уверяю — я слышал их множество раз и в барах, и в ашрамах по всему свету, ещё со времён песочницы в детском саду. Так что разберёмся с главными.

Во-первых: как оно пишется? Н-А-Л-Е. Не Н-А-Л-Л, как зимний град, что хлещет нас с неба, и не то неуклюжее размахивание, каким мы останавливаем такси. Имя это, кстати, происходит от «Hallus» — швейцарского слова, означающего «мужественный» или «статный».

Во-вторых: не происхожу ли я от любимого комедийного актёра Алана Хейла-младшего? Нет, хотя я глубоко чту его творчество и в детстве любил воображать, как он незримо оберегает меня за уроками.

В-третьих: горжусь ли я этим именем? А вот это, дорогой читатель, посложнее.

В конце концов, какое отношение фамилия имеет к тому, кем Ты в действительности являешься? Вспомни Августа Цезаря, изобретателя демократии, с которым мы ныне ассоциируемся главным образом через отвратительный белый

салатный соус. Или Люсиль Болл, которая содрогнулась бы, узнав, что её фамилия стала синонимом прыгучей детской игрушки. Или Шрёдингера, величайшего в истории исследователя кошачьих, чьё имя в духе времени почти перехватил приятель Чарли Брауна, что обожает рояль. (Он, разумеется, не имеет отношения к вымышленному мальчику из истории о Моцарте.) Какую пользу извлёк кто-либо из этих великих фигур из своих фамилий?

Никакой. Но я, кажется, увильнул от твоего вопроса.

Читатели моих прежних книг знают, что и зачат, и рождение я принял в маленьком театре позади бывшей парфюмерной лавки в западном Орегоне, в рамках девятимесячного перформанса, задуманного моими родителями под названием «Попахивает последом, у***д». Он примечателен тем, что я стал первым ребёнком, зачатым и рождённым исключительно ради театральных целей; критики того времени нарекли его «барочной деконструкцией всё более извращённой человеческой тяги к продолжению рода». Моё рождение наблюдали такие светочи культуры, как Джейсон Робардс, Лина Вертмюллер, Уолт Фрейзер и губернатор Орегона Роберт У. Страуб, назвавший его «американским театром в его возвышенно-непристойном апогее».

Хотя я не помню своего родильного перформанса, знание о нём всегда приносило мне великую радость. Сознание того, что некая версия меня — пусть и не сохранившаяся в памяти — даровала смысл и глубину столь блистательному собра-

нию людей, влило в мою юную жизнь глубокое чувство предназначения. Но вот, по мере взросления, стали закрадываться иррациональные вопросы. Действительно ли постановка была столь откровенна, как твердили критики? Не была ли она лишь перепевом гамбургских шоу с Репербан? И в самом ли деле мои родители хотели ребёнка? Последний вопрос пустил особенно глубокие корни, когда HumpDumpster двинулся к новым произведениям — в том числе к восторженно встреченному критиками «Чин-чин, у***ды» 1992 года, где они тридцать шесть часов держали один бостонский бар под настоящим оружием, за что и получили срок, имевший некое подобие основательности. Это и прочие затеи оборачивались долгими периодами, когда я был один; именно в эти немые промежутки во мне стало пускать ростки мрачное, назойливое озлобление — против родителей, против моего рода и даже против себя самого.

Так горжусь ли я своей фамилией? Ответ, который тебя, возможно, удивит, — да. Видишь ли, со временем я понял: родители избрали не искусство вместо меня. Скорее, они сделали искусство моим братом, со-равным мне, с которым мне вечно предстояло бы спорить об их любви. По мере взросления я многому научился у брата — он ведь был старше — и постепенно к нему привязался. Именно эта привязанность и привела меня к собственной карьере в искусствах и словесности, сблизившей меня с родителями. Хотя они и по-прежнему несказанно заняты, они поддерживают

мои труды и побуждают меня пробиться сквозь мой «конвенциональный период» и обрести свой истинный голос.

Но сколь бы ни был я горд быть Хейлом, с именем своим первым — Рикен — я отождествляю себя куда охотнее. Исследования показывают, что первые имена обычно привязаны к отдельным людям, тогда как фамилии — к роду. Стало быть, первое имя — куда более внятный указатель на твоё Ты. Многие примечательные фигуры, от Аристотеля до Фабиана, не имели фамилий вовсе — и были лишь богаче за это. Твоё первое имя — твоё: распоряжайся им как хочешь, не обременённое грехами и муками минувших поколений, — а в этом, дорогой читатель, есть сила.

И ещё помни: имена — одна из немногих черт, отличающих человечество от зверя, наряду с одеждой, музыкой, социальной иерархией, умением плавать и мостами. Вспомним, к примеру, великую обезьяну былых времён. Она ходила прямо, ела сливы и инжир, кормила детёнышей и взидала на звёзды в поисках мудрости — точь-в-точь как ты или я. Она была, в большинстве отношений, весьма похожа на человека. Но одного у неё не было — имени, принадлежащего только ей. Тревожило ли отсутствие имён этих изящных созданий? Мы не узнаем никогда, потому что обезьяны не обрели языка вплоть до 1972 года, когда американский язык жестов изобрела равнинная горилла по имени Коко. И хотя я давно восхищаюсь Коко, на миг этого прорыва ей было всего шесть, и она мало что могла поведать о мироощущении до-

исторических великих обезьян. Мне же, однако, ясно: безымянность тормозила развитие вида — оттого они и обитают нынче в клетках, тогда как человек кутается в бархат.

А теперь прошу: вернись к тому клочку бумаги, на котором ты записал свой Ты-тип. Быть может, ты был Трусом. Или Воином. Голубем? Писцом? А может, Весталкой. Каков бы ни был твой тип, хочу, чтобы ты отыскал ещё один клочок того же размера и написал на нём следующий ключ к твоей личности: твоё первое имя. Приколи и его к трюмо — и заметь, как определение нашего Ты уже расцветает в красоте и сложности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.